МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

4. Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / под ред. В.С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 612 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-44

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА *ДЕНЬ* И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ПИСЬМЕННУЮ ЭПОХУ ЯЗЫКА

Соколова Т.С.

Томский государственный университет, аспирант

DERIVATIVE POTENTIAL OF THE WORD *DEN* AND ITS IMPLEMENTATION IN THE WRITTEN HISTORY OF THE LANGUAGE

Sokolova T.S.

Tomsk State University, postgraduate student

Настоящая работа представляет исследование, выполненное в русле диахронного словообразования. В статье реконструируется состав словообразовательного гнезда с вершиной «день» для разных периодов письменной эпохи языка, описываются особенности его структуры, даются специальные характеристики.

Ключевые слова: диахронное словообразование, дериват, словообразовательное гнездо, день.

The work presents a study carried out in line with diachronic word formation. The article reconstructs the composition of the word-building nest with the top of «day» for different periods of the written history of the language, describes the features of its structure, gives special characteristics.

Key words: diachronous word formation, derivative, derivational word family, day.

Научный руководитель: Г.Н. Старикова, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Представляемое исследование выполнено в русле диахронного словообразования, предполагающего рассмотрение процессов словопроизводства в развитии, в их изменении во времени: изучение истории образования отдельных слов (определение для них производящих, времени появления в языке, начального значения, «обрастания» их новыми семантическими и формальными дериватами), становление средств и способов деривации. По мнению Ф. П. Филина, восстановление пути отдельной единицы в словарный состав языка будет способствовать выявлению основных закономерностей развития его лексической системы в целом [1. С. 15]. При этом в литературе неоднократно высказывалась мысль о необходимости концентрации

исследовательских усилий на исконной, стилистически нейтральной, прагматически значимой лексике, входящей в «золотой фонд» языка [2. С. 91–92].

К безусловно ключевым словам любой культуры относится темпоральная лексика. Как отмечал А.Д. Шмелев, «время – загадочный феномен, близко касающийся человека, интуитивно как будто бы ясный, но противоречивый и с трудом поддающийся экспликации» [3. С. 316]. Данное обстоятельство обусловило предмет настоящего исследования – развитие словообразовательного гнезда (СГ) с вершиной *день* как результат реализации в структуре и семантике производных деривационного потенциала исходной единицы. * О.с. **дьнь* – производное и.е. корня **dei* (э)- : **dī-* – ‘излучать свет, сиять, блестеть’ [4. С. 241]. На начало письменного периода у существительного отмечают 3 значения: 1) время от восхода до заката солнца //единица измерения расстояния, которое можно пройти за день; 2) сутки; 3) дата праздника, памяти или почитания какого-либо евангельского события или святого [5. С. 215]. Полисемия здесь носит понятный характер и осуществляется на основе метонимического переноса. В традициях диахронного словообразования принято рассматривать каждое из значений как отдельный дериват, причем далеко не всегда семантический, чему есть логичное обоснование: например, никак не выводимы друг из друга *полуденок*₁ – ‘полдня, единица времени’, *полуденок*₂ – ‘лов рыбы в полдень’, *полуденок*₃ – ‘годовалый теленок’, характерные для разных российских регионов [6. С. 143]. В первом случае слово образовано от *день* ‘светлое время’/‘сутки’, во втором – от *полдень*, в третьем – от *день* ‘пора, срок жизни’ (данное значение появится у слова в XVI в.).

Источниками для исследования послужили материалы ряда исторических и современных словарей, позволивших выявить в составе СГ *день* для десятивековой письменной эпохи 595 формально различающихся единиц, выражающих при развитой синонимии около 600 значений. При этом единицы с частыми колебаниями в ударениях (*по́лдни́к*, *полудно́вать*), другими системно обусловленными чередованиями (*подени́к* / *подё́ник*, *полдни́чание* / *полднича́нье*, *днесни́й* – *днешни́й*, *полуденно́й* / *полудё́нный*, *севдо́дне* / *сего́дня* / *сего́дни*) считались за одну структурную единицу: *по́лде́нный* / *полде́нный*, *по́лдни́ще* / *полдни́ща* и т. п. Гнездовой способ презентации материала дает возможность реконструировать отдельные дериваты для

определенного этапа на основе других производных этого и последующего периода: так, для первого периода были восстановлены прилагательные *денный // денно, дньдньный, *равноденный // равноденство.

Мощность гнезда в древнерусский период составляет 48 единиц с 66 значениями. Наиболее представлены в этот период субстантивный (18) и адъективный (20) блоки, менее разработан адвербиальный (*благоденно, днем, денно, днесь, ономедни₁*) и слабее всего – глагольный (*деньствовать, пладновать*) блоки. Это согласуется с мнением М.Ю. Казак о том, что на первой ступени словообразования воспроизводится прежде всего та часть речи, к которой принадлежит исходное слово [2. С. 103]. На данном этапе деривация осуществляется суффиксацией (*дневной, днешний, денничный*), приставочно-суффиксальным (*надневный*), а также сложным (*полдень, днесветл*) и сложно-суффиксальным способом мутационного типа словообразования (*великъдньный, всьдньевный, дьнеродный, чьтыридьсидньевный*), характерными для книжно-письменного языка. Глубина СГ равна 2: словообразовательная парадигма (СП) первого деривационного шага (ДШ1) включает 21 производное, большинство из которых образованы от прямого значения вершинной лексемы, на ДШ2 их 3. Максимальное количество дериватов мотивировано словами *пладень* (*пладенный_{1,2}, пладение₁, пладнина, пладния, пладновати*), *полудень* (*полуденный_{1,3,4}, полуденье_{1,2}, полудние₁, полудневный₃, полуднина₁*) – по 5 многозначных / омонимичных производных. На базе вершины гнезда образовано 13 полинарных (трехкомпонентных) словообразовательных цепочек (СЦ), 7 из которых включают разные части речи (*день – пладень – пладновать*), а 6 субстантивные (*день – полудень – полуднина*). Уже на этом этапе возможно говорить о разномотивированности в отношении некоторых производных: напр., *равноденство* можно рассматривать как слово с соединительным СЗ в сочетании с мутацией, если выводить его из (*равный*) *день*, или как суффиксальный дериват с модификационным СЗ от *равноденный. С ростом СГ в последующие эпохи подобные допуски в трактовке типа мотивированности у его единиц только расширяются.

Гнездо в начале старорусского периода (XIV–XV вв.) претерпевает серьезные изменения: памятники не отмечают 20 дериватов предыдущего этапа, прежде всего явно книжного характера (*деньденный, денничный, дньсветей, осьмодневно, пладнина, пладновати*), хотя им на смену пришли другие, в том числе того же (*всedenный, вьсedenствовать*,

благоденствие, благоденствовати, долгодение, долгоденствовати, повседенный, равноденье) и явно исконного (*полдне, полдничают, полднище, седни*) происхождения, всего 19 новых слов.

Ряд сохранившихся слов утрачивает отдельные значения (*полуденный₃, пладень₂*), другие развивают новые (*дневной₃, денница₂, полдень₂, полудень₂*). Среди новообразований обращает на себя внимание факт производства слов от *полдень₂* 'юг': *полудние* с тем же значением и *полудневый* 'южный'. Мощность гнезда равна 46, а его глубина увеличилась на 2 ДШ – правда, это выражается одной СЦ, причем с оговоренными выше допущениями: *день – равноденный – равноденье / равноденство – *равноденственный – равноденственное* (сущ.). Основной же массив дериватов по-прежнему являют результат ДШ1 и ДШ2 (4 СП).

СГ конца старорусского периода (XVI–XVII вв.) наследует состав его начала с незначительными формальными (*долгоденствовати, надневный, шестоденник*) и семантическими утратами (*денница₃* 'падучая звезда', *полдень_{1a}* 'полуденный жар; зной'). В то же время неологизмами разных десятилетий этих двух столетий являются 84 слова, в их числе: *благоденственный, будень/будни, великодень, вседневник, дваденный, днеочно, злыдни, обыденный, повседневие* '1 из видов богослужения', *седневный* и др. Показательно, что большинство из них мотивированы значением 'сутки' исходного слова. В это время становится наиболее заметными неморфологические способы деривации, прежде всего переход слов и отдельных словоформ в другие части речи (*великоденное, дневальный, поденное* 'мера хлеба на день', *полденная* 'южная сторона', *семиденное* 'неделя', *полуднем*), а из морфологических – префиксальный, характерный для глаголов (*передневать, поденствовать*) и наречий (*доднесь, поднесь*). Две последние части речи дают в этот период максимальный прирост производных, причем если глаголы соотносимы со значениями 'светлое время суток' / 'сутки' / 'пора, время' *дня* (*дневать, подневать, предневать, денничати, полудновать, полдневати / вседенствовать, денничати, деньствовать / злоденствовати*), то наречия, за редким исключением (*полуднем₁*, 'на юге'), – только с 'сутки': *додне, ежедней, ежеденно, обыден, онамедни* 'несколько дней назад', *повсякоденно, поденно, сегодень, тредень* 'послезавтра' и многие др. Новым для субстантивного блока становится появление имен с агентивными суффиксами (*денщик* 'поденщик'; 'прислужник, курьер'; 'слуга при офицере', *поденщик, злыденник*), образований с транспозиционным (*денничество, дневанье*) и модификационным СЗ

(денечек, днишко, денниччишко). Адъективный блок расширился за счет отадвербиальных образований: *ономеднешний, сегоденный, сегодни/ешний*. Глубина гнезда осталась неизменной, число СП возросло до 14.

Требования к объему публикации обязывают автора последующие этапы развития СГ представить в основных характеристиках гнезда.

Период	Мощность СГ	Глубина	Число СП	Число СЦ	
				3 ДШ	4ДШ
XVIII в	119 единиц ¹ /158	4	11	8	4
XIX в.	245/344	4	18	22	9
XX в.	348/682	4	25	31	13

Из таблицы следует, что максимальный прирост в СГ произошел в XIX в. Толчком для него послужило наполнение глагольного блока: как отмечалось М.Ю. Казак, «глаголы занимают в общем объеме дериватов первой ступени весьма скромное место, однако наполняемость, глубина и ветвление субстантивных гнезд обусловлены наличием в гнезде глагола» [2. С. 142], что и продемонстрировал наш материал.

Исследование показало, что *день* обладает значительным деривационным потенциалом, что связано не только с его собственно языковыми характеристиками (значением, стилистической нейтральностью, достаточно развитой синтагматикой, частеречной принадлежностью, односложной структурой), но и общей значимостью категории времени в ЯКМ общества, ее сопряженности с другими пространственно-социальными ориентирами мироустройства. Гнездо носит динамичный характер: исчезают одни слова, появляются другие, меняются их значения. В силу исторических процессов рвутся связи между родственными словами, но сохранившаяся формальная близость позволяет объединять их в одном СГ (*сегодня, будни*). Некоторые, наоборот, сохранили семантические связи, разойдясь формально: *обыденный, ономнясь, намедни*.

Если в начале письменного периода наибольшую активность в деривации проявляло первое значение вершины (напр., в древнерусский период на ДШ1 с ним соотносимо 14 дериватов), позже эту роль взяло на

¹ Отсутствие роста гнезда в сравнении с предыдущим периодом объясняется, скорее, характером основного источника для этого периода – первого русского академического словаря с относительно строгими принципами отбора лексики [7].

себя значение 'сутки'. Особенностью развития гнезда в каждую эпоху, особенно с конца старорусского периода, являются кодериваты с общим деривационным значением, характеризующиеся отношениями равномотивированности: денный – дневной, злоденство – злоденствие, заднеть – ободнеть. Наличие номинативных вариантов обусловлено как собственно деривационными потенциями русского языка, так и влиянием на его систему церковнославянского языка – особенно для начальных письменных периодов развития языковой системы (*доброденство – благоденство, пладень – полдень – полудние – полуднина – пладница, Шестодневцеъ – Шестодньникъ – Шестодневьникъ – Шестдъньныи* 'название богослужебной книги «Шестоднев»'), а также бытованием большинства слов в разнотерриториальных говорах (*полденка – полде/ённица – полднёвка – полудёнка – полудёница 'подойник'*).

Литература

1. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 173 с.
2. Казак М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; количественные аспекты; потенциал; прогнозирование : дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2004. 477 с.
3. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1: А–Пантомима. 624 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: (Г–Д) / сост. Н.Б. Бахилина, Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая [и др.]. М. : Наука, 1977. 403 с.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 29: Покорочеть – Попритчиться / [сост. Ю. Ф. Денисенко и др.]. СПб. : Наука, 1995. 346 с.
7. Словарь Академии Российской, 1789–1794 : в 6 т. М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001. Т. 1–6. 2001–2006.